

Александр Куприн

Медведи

Александр Куприн

Медведи

«Public Domain»

1913

Куприн А. И.

Медведи / А. И. Куприн — «Public Domain», 1913

«...Молодая восьмилетняя медведица-мать всю осень раздумывала, как ей выгоднее залечь в берлогу. Опыта у нее было немного: всего года два-три. Очень стесняли дети. Прошлогодний пестун начинал выходить из повиновения, воображал себя взрослым самцом, и, чтобы показать ему настоящее место, приходилось прибегать к затрещинам. А двое маленьких – самочки, – те совсем ничего не понимали, тянулись по привычке к материнским сосцам, кусая их молодыми острыми резцами, всего пугались, поминутно совались под лапы или так увлекались игрой друг с другом, что их приходилось долго разыскивать среди облетевших листьев дикой малины, ежевики и волчьей ягоды...»

© Куприн А. И., 1913

© Public Domain, 1913

Александр Иванович Куприн

Медведи

Молодая восьмилетняя медведица-мать всю осень раздумывала, как ей выгоднее залечь в берлогу. Опыта у нее было немного: всего года два-три. Очень стесняли дети. Прошлогодний пестун начинал выходить из повиновения, воображал себя взрослым самцом, и, чтобы показать ему настоящее место, приходилось прибегать к затрещинам. А двое маленьких – самочки, – те совсем ничего не понимали, тянулись по привычке к материнским сосцам, кусая их молодыми острыми резцами, всего пугались, поминутно совались под лапы или так увлекались игрой друг с другом, что их приходилось долго разыскивать среди облетевших листьев дикой малины, ежевики и волчьей ягоды.

«Кто-то, наверное, будет разыскивать наши следы, – думала медведица. – Не человек ли – страшное, непонятное, всесильное животное?»

И она старалась скрыть тяжелые следы своих ног. Но на молодом, тающем снегу отпечатки ее ступней ложились всюду черными правильными пятнами среди белого. Это привело ее в отчаяние.

Погода обманывала: то пойдет снег, то перестанет, а наутро вдруг зарядит дождик.

Наконец-то, в исходе октября, она почувствовала, что приближаются вьюги и большой снег. Тогда она приказала детям:

– Идите за мной.

И все они, вчетвером, двинулись с юга на север, по тому пути, которого нарочно избегала осенью медведица. Впереди шла она сама, потом маленькие, а сзади пестун. И все они, повинувшись древнему инстинкту, старались ступать след в след. Было у медведицы-матери давно облюбовано, еще летом, укромное местечко. Там свалилась большая сосна, выворотив наружу корни, а вокруг нанесло много лесного лому, веток, сучьев и мусора.

«С севера идет погода, – подумала она. – Снег все занесет, прикроет, обровняет». Идя на берлогу, заботливая мать все царапала когтями стволы деревьев, оставляя для себя приметы. «Как идем, так и выйдем».

Трудно было улечься. Казалось тесно. Молодые, еще не отвыкшие от теплоты материнского тела, они уютно улеглись у матери между ног и около жирного, отъевшегося за осень брюха. Они не очень сердились, если она их немного притискивала, поворачиваясь с боку на бок. И в первый же день затянули привычную медвежью песню-скороговорку:

«Мню-мню-мню... мня-мня-мня... мню-мню-мню...»

Пестун долго не мог успокоиться, ворчал, кусался, мял младших лапами, выглядывал наружу, грызался на мать, все ему казалось неловко.

Но наконец и он, повинувшись общему медвежьему закону, заснул крепко-накрепко. И взрослый болван во сне чмокал и хрюкал, как маленький, и так же, как они, прижимался мордой к материнскому чреву.

Мать не спала. Не спала, а только изредка чутко дремала. От ее дыхания вился над берлогой тонкий парок.

И все лесные звери, – белки, куницы, горностаи, лисы, волки, – с уважением издали обходили зимнюю лежку медведей.

Каркали над нею наблюдательные вороны, и сплетничали болтливые сороки, но летели прочь... Высывала иногда свой нос медведица-мать, хватала гладким языком снег, смотрела на то, как резвятся зайцы, как ныряют с размаху в снежные сугробы тетерева, равнодушно слушала, вода ушами, дальний стук дровосеков и опять засыпала.

В январе она вдруг проснулась. Лес наполнился шумом, собачьим лаем, звуками рогов. «Что-то случилось, – подумала мать. – Это не то, что я слышала всегда». Неуклюже растолкала

она младших, ударила лапой заспавшегося пестуна и сама первая высунула навстречу врагу голову и туловище из берлоги.

Да. Собачий страстный визг и лай были все ближе и ближе.

«Назад», – подумала медведица и своим криком заставила детей уйти назад, внутрь берлоги.

Но показались уже из-за кустов, из сугробов трусливые, наглые собачьи морды. Собаки и хотели и боялись укусить. Они не лаяли, а скулили. Они дышали часто-часто, и их красные языки были далеко высунуты из пастей.

«Это не серьезно, – подумала мать, тяжело дыша и облизывая языком снег. – Они не посмеют».

Но тотчас же она увидела и почувяла людей. В их суетливых шагах, в их дергающихся движениях, в их человеческих глазах она ясно и твердо прочла: «Нет пощады».

Она хотела кинуться на людей и уже сделала усилие, подняв спиной снежный сугроб и хвою, но ее сразу ослепило и оглушило.

И, падая, теряя сознание, она все-таки успела подумать:

«Пестун дурак... Он даже и дороги не найдет из берлоги обратно... Как же маленькие?..»

– Вот и новогодний подарок, – сказал рослый гвардеец в фантастическом охотничьем костюме. – Как я ее ловко осадил.

Егерь было ухмыльнулся лукаво, но вдруг закричал:

– Готовьсь! Еще!..

Вылез пестун. И мужик-облащик перерубил ему топором спину.